В журнале «Москвитянин» за 1853 год (т. 2, № 5) была напечатана статья Павла Шпилевского «Исследование о вовкалаках на основании белорусских поверий». Эта работа молодого фольклориста, этнографа, историка, публициста, журналиста и писателя до нашего времени вызывает споры в научной среде. На нее ссылаются почти все исследователи белорусского фольклора, и в то же время она ни разу (!) не переиздавалась. Надеемся, современному читателю будет интересно познакомиться с этой работой.

Александр Ващенко

ПАВЕЛ ШПИЛЕВСКИЙ

Исследование о вовкалаках[1]

(На основании белорусских поверий)

Белоруссия так полна, так обильна разными преданиями, поверьями, суевериями и предрассудками, что, зная обо всем этом, невольно пожалеешь, — отчего до сих пор наши ученые не хотят обратить внимание на этот край и изучить его во всех отраслях отечественной старины… На страницах наших журналов постоянно являются разные исследования о древностях Афин и Рима, костюмах, обычаях и даже пиршествах их жителей. А древности Западной России, особенно же Белоруссии, как будто считаются слишком малозначащими для того, чтобы напечатать о них в каком-нибудь периодическом издании. Не знаю, чем объяснить такое равнодушие наших ученых к Белоруссии. Не тем ли, что о древностях римских и греческих легче писать в кабинете по иностранным источникам, а чтобы написать о Белоруссии, для этого необходимо знать ее, прожить в ней, проследить несколько лет на месте за всеми ее древностями? Если за этим дело, так почему же не приступить к изучению Белорусского края тем, которые имеют возможность посвятить годы на столь полезное и важное дело?.. А ведь Белоруссия стоит того… Этот уголок нашего отечества по справедливости можно назвать столицею древней славяно-русской мифологии; там — исход всех языческих предков наших, которые, вследствие происшедших взаимных междоусобиц племенных, расселились по соседству в разных окраинах громадной нынешней России… Быть может, такое чествование Белоруссии покажется кому-нибудь удивительным? Чтобы согласиться со мной, для этого нужно быть белорусом, нужно знать бесчисленные песни, поговорки, сказки, предания и поверья этого околотка нашего отечества, нужно видеть следы доселе сохранившихся в Белоруссии родовых отношений между так называемою застенковою шляхтой тамошнею. В таком только случае понятно будет значение Белоруссии в археологическом, филологическом и историческом отношениях.

Верно, чего-нибудь да стоят белорусские сказки, поверья и песни, когда их постоянно черпают соседи наши, польские ученые… Но что же из этого выходит, при равнодушии к Белоруссии ученых русских? Господа польские ученые все чисто русское, родное наше переделывают на свой лад, полонизируют поговорки и пословицы, переносят на свою почву поверья и предания, и таким образом,

[1] В письме соблюдено белорусское произношение.

отнимают у Белоруссии характер русской древности. Особенно известен в этом отношении г. Войницкий, который очень мало даже знаком с русским языком и почти вовсе не знаком с Белорусским краем…

Что же сделали Вы, милостивый Государь?.. спросят тут многие; — Вы, который так честите Белоруссию?.. Будучи еще в Белоруссии, я записывал из уст народа разные песни, слова, прибаутки, загадки, пословицы и сказки, с целью — сделать из них употребление впоследствии. Переехав в Петербург, я обратился со своими записками к некоторым лицам, и, по воле бывшего г. Министра Народного Просвещения графа Уварова, поместил в Журнале Министерства Народного Просвещения два отрывка из составленного мною «*Словаря и корнеслова белорусского наречия*». Но, сознав неоконченность трудов двадцатилетнего возраста своего, я решился остановиться на некоторое время с полным печатанием их и, переехав в Варшаву по назначению правительства, посвятил себя дальнейшим и окончательным изысканиям белорусских древностей. Следствием этих изысканий было то, что переделал и пополнил Словарь и вообще все записки свои о белорусских песнях, поверьях и пословицах: и теперь вскоре надеюсь приступить к отдельному изданию всех приготовленных мною сочинений о Белоруссии.

Чтобы дать какое-нибудь понятие соотечественникам о моих занятиях, прошу Вас, м. г., выбрать в издаваемом Вами журнале местечко для посылаемой статьи о *Вовколаках*.

Вовкалака (или *вовкалека*) — оборотень, т. е. человек, превращенный кем-нибудь или превратившийся сам собою, по своему желанию, в волка. Верования в существование таких оборотней общи чуть ли не всем славянским племенам. Так, у поляков есть *wilkolek, wilkólak;* у чехов — *wilkodlak* и *wlkodlak*; у сербов — *влколек, врколак* и *влколи́јек;* у кроатов и боснийцев — *vukodlak;* у далматинцев *vakudluk*; у рагузцев — *vukolak;* у трансильванцев — *vacodlac;* даже у немецких славян есть тот же оборотень под названием: *wärwolf.* У славян же русских (во внутренних губерниях нынешней России) существует поверье о *волколаках* и *вурколаках*: вероятно, на основании последнего произношения воспел оборотня и знаменитый наш поэт Пушкин. Но больше всех славяно-русских и даже, вообще, славянских племен может похвалиться многочисленными поверьями и рассказами о *вовколаках — вовкалеках* Белоруссия.

Если филологически разберем корнеслов приведенных нами названий оборотня, то найдем два значения вовкалака у всех славянских племен, особенно же у русских, сербов и поляков, которые (значения) вполне будут соответствовать двум понятиям о вовкалаках, т. е. о вовкалаках вообще, потом — о вовкалаках как о людях, превращенных в волков кем-нибудь, и о вовкалаках как людях, имеющих силу себя и других превращать в волков.

Первое значение получим от корней: *wilk, вук, влк (волк)* и = *dlak, dlaka* (у чехов), *kodlak* (в Галиции), *chlaka, chlak, chlup* (у сербов) = шерсть, волос, собственно, клочки волос. То есть, *wilkodlak, vucodlak* — будет значить: имеющий волчью шерсть, мохнатый, как волк, имеющий на себе комки волчьих волос. Такое значение соответствует преданию славян о волколаке-оборотне вообще, но не дает определенного понятия о том, сам ли человек превращается или кто-нибудь другой превращает его в волка. А следовательно, такое корнепроизводство *вовкалаки* будет недостаточно, как слишком обобщенное и неопределенное, притом же, не чисто славяно-русское, а только славянское. И потому, не довольствуясь этим словопроизводством, подобно г. Афанасьеву, и имея в виду собственно белорусского оборотня, мы употребим еще другой корнеслов для значения — *вовкалаки.*

В Белоруссии (и Малороссии) употребляются слова: *лека* и *лек*, которые значат: самоучка-лекарь, пользующий больных разным *зельем* (травами): оттуда *лек — лека=знахарь,* колдун, чародей, вследствие того, что удачное лечение, а особенно как бы восстановление умирающего больного, считается делом не человеческим, сверхъестественным: обычное понятие простого белорусского народа!!! Этому белорусскому слову вполне соответствует и сокращенное — простонародное слово

польское: *lek, сербское*: *лек, лийек, боснийское: ljek, lik, далматское и кроатское: lik, украинское ликарь.* Отсюда слова: *вовкалака, вовкалека, влеколек, вивкалик* — будут значить: волкознахарь, колдун, имеющий силу зачаровать, превратить кого-то в волка, — пожалуй, при помощи какого-нибудь *зелья*[1]. Такое значение белорусского вовкалаки, кажется, понятнее — тем более, что во всех белорусских поверьях, и особенно — о вовкалаках, *знахари и знахарки* играют большую роль.

А чтоб слову *вовкалаки* или, как его произносят далматы, *vakudlak*, дать значение: превращенный кем-нибудь в волка, — для этого укажем на белорусские глаголы: *ла́чыць* и *лучыць. Ла́чиць* значит завербовать, насильно сделать кого кем, превратить во что или в кого-нибудь. В сказках белорусских, где говорится о заколдованных *князевичах* (молодых князьях, превращенных в камни, столбы и в разных животных), употребляется слово: *ла́чиць;* например: *и плача ла́ченый (*забраный в плен) *князевич! То не жаба была, а жабалака* (т. е. превращенный в лягушку). Здесь слово: *лака* — от глагола: *ла́чиць.* В таком роде есть много других слов: *ступала́ка* (обращенный в столб), *кошкала́чень* (обращенный в кошку). *Лучиць* значит: сделаться, статься чем-нибудь поневоле.... Это слово тоже употребляется в сказках для означения состояния заколдованных *ведьмарами* людей: *лучив на вовкалаку,* т. е. по милости *ведьмара (*ведуна), колдуна, сделался вовкалакой: *угневав дудара, лучив на бобыля,* рассердил *дудара* (см. ниже) и за то сделался бедняком по его милости, т. е. обнищал. Соединив оба этих глагола со словом *волк,* мы найдем следующее значение вовкалаки: человек, превращенный в волка, сделавшийся волком насильно, по воле колдуна, *знахаря-дударя.*

Таким образом, не прибегая к общеславянскому корнепроизводству вовкалаки, можем иметь — *белорусское* — можем и даже должны, тем более, что находим основание думать, что поверье о вовкалаках получило исходное свое начало в Белоруссии и уже впоследствии привилось к другим соседственным славянским племенам. Для этого мы сошлемся на древнейших свидетелей, дохристианских историков. *Геродот*, описывая местность, нравы, обычаи и религию разных славянских народов, весьма определительно говорит касательно поверья *Невров* об *оборотнях* (вовколаках): «У этих людей, замечает он, издавна существует верование, что они, силою своего волшебства, могут в известные времена года на несколько дней превращаться в волков и потом опять возвращаться в прежнее состояние»[2]. По картам *Спенера* и *Стредовского*, Геродотовых *Невров* нужно принимать за обитателей нынешней западной России, и именно Белоруссии, т. е. за несторовых Дреговичей, Древлян, Полочан и Северян. Ученый Нарушевич ясно и с уверенностью утверждает, что *Невры*[3], у которых, как свидетельствует Геродот, существовали предания о вовкалаках, занимали обширные места от устьев

---

[1] Приведу слова российского ученого, этнолингвиста Е. Е. Левкиевской из ее работы «Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского»: «А чтобы обосновать свою этимологию этого слова (вовкалак — это якобы «волк-лекарь», «волк-знахарь», т. е. знахарь, обращающийся в волка), Древлянский придумывает совершенно невозможную и никогда не фиксировавшуюся форму *вовколек*.

[2] Процитирую слова Геродота, который описывает поход Дария против скифов в 514 г. д. н. э.: «…невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов. Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти россказни, конечно, не могут убедить; тем не менее так говорят и даже клятвенно утверждают это». (Геродот. История. Кн. 4, Мельпомена, стр. 213, Л., Наука, 1972 г.)

Примечание переводчика Г. А. Стратановского: «Волк — тотемное животное невров, с которым они считают себя в родстве. Сообщение об оборотничестве относится к культовому празднику, участники которого носили волчьи шкуры и маски».

[3] Геродот сообщает старинную легенду о переселении скифов. Змеи в ней символизируют враждебных пришельцев, которые изгнали невров из их мест обитания.

Днестра и выше Киева вдоль по течению Днепра и Десны, т. е. частью в нынешнем Полесье волынском, губерниях: Киевской, особенно Могилевской и Минской, и Черниговском Приднепровье. Спрашивается, отчего же Геродот, описывая славян с таким всесторонним знанием, замечает, что поверья о *вовкалаках* нашел он именно у невров? К свидетельству Геродота прибавим то предание жителей пинского Полесья (Минская губ.), что *Овидий* жил некогда возле нынешнего г. Пинска в пещере, на высокой горе, окруженной со всех сторон озерами и *черотом* (тростником большим), куда будто ссылали его за дерзкие стихи; в память чего до сих в устах пинского народа сохранилось название горы: *Овид-Гора,* и озера: *Овид-озеро;* об этом озере упоминает и Нарушевич, соглашаясь с пинскими народными преданиями[1]. Очень может быть, что Овидий, живя между нынешним пинским Полесьем и Приднепровьем, подслушал белорусское (неврское) народное предание о вовкалаках и на основании его написал[2] известные «Превращения» (Метаморфозы). Почему ж не допустить, что его *Ликаон* (Lycaon) есть тот же белорусский вовкалака?! Стоит только знающему поверье белорусцев и со вниманием читавшему фантазию Овидия о Ликаоне сравнить первое с последним: окажется большое сходство!!!

Основываясь на таких важных данных, мы должны согласиться, что поверье белорусцев о вовкалаках очень древне. Кроме Геродота и Овидия, мы не имеем других указаний, по которым могли бы судить о подробностях этого поверья у древних невров, но по существующей многосложности его у нынешних невров-белорусцев можем гадать, что если в настоящее христианское время, очевидно, имевшее сильное влияние на изглаждение языческих суеверий и толков, все-таки в Белоруссии сохранилось много рассказов и преданий о вовкалаках, то, без сомнения, в языческие времена Геродота и Овидия еще более и свободнее могли существовать между неврами такие проявления духа и проявления фантазии язычествовавшего народа!

А современные предания белорусцев о вовкалаках очень-очень разнообразны и обильны. Нет окрестности, нет деревни, нет семейства, где бы не знали какого-нибудь самого забавного рассказа, самого фантастического поверья о вовкалаках. Сами старики — главы многолюдных семей — в свободные святочные вечера твердят своим детям и внукам об этих то страшных, то жалких оборотнях, а пение белоруски-молодицы во время *колядских* посиделок воспевает проделки знахарей, обращающих нелюбимых ими людей в волков и плачевное состояние обращенных. И так, по преданию, из потомства в потомство переходит верование о вовкалаках. Верование это до того преувеличено, что нередко обыкновенных волков принимают за самих оборотней. Случается, что во время зимних морозов проголодавшиеся в лесу волки, как водится за этими недобрыми деревенскими соседями, нападают на людей — тотчас во всей деревне прогремит слух, что

---

[1] Беру на себя смелость утверждать, что Овидий никогда не был на Полесье. В декабре 8 г. н .э., в пятидесятилетнем возрасте, он был сослан в маленький город Томы, который находился на месте впадения Дуная в Черное море (теперь город Констанца в Румынии). Большинство горожан составляли буйные и сварливые геты и сарматы. За Дунаем жили воинственные кочевники, которые постоянно нападали на город, и их отравленные стрелы падали на городские улицы. Связь с цивилизованным миром поддерживали только греческие корабли, которые летом привозили вести из Рима. В этих суровых условиях Овидий прожил 10 лет и умер, так и не дождавшись прощения… Мог ли пожилой поэт совершить путешествие длиной почти в две тысячи километров через территорию, заселенную враждебными племенами? И зачем ему нужно было ехать на Полесье, когда он всей душой стремился в Рим? В своих «Письмах с Понта» (Наука, М., 1978 г.) он ни словом не обмолвился о подобном путешествии.

[2] Геты не были славянским племенем. Славянами были венеды, которые в первых столетиях н. э. жили между Днестром и Дунаем рядом з гетами и даками. (Энциклопедия «Археалогія і нумізматыка Беларусі», Мінск, «Бел. Энц.», 1993 г., с. 569.) Поэтому версию о происхождении белорусского языка от гетского наречия можно считать ошибочной.

вовкалак напал на такого-то Архипа или Сидора: беда Сидору или Архипу, если, на случай, считают их знахарями; догадливые бабы (как и везде бабы) дополняют слух, что вовкалак хотел отмстить знахарю за то, что тот обратил его в волка...

По мнению Белорусцев, есть два рода *вовкалак.* К первому относятся *вовкалаки-знахари,* ко второму — несчастные жертвы их, превращенные в волков: первых белорусцы очень боятся, а о вторых сожалеют.

Волколаки-знахари, как и вообще знахари, по разумению белорусскому, находятся в связи с нечистой силою — чертом, которому они продают свою душу, вследствие чего получают власть превращать людей в волков и потом, по желанию, опять переделывать (*отробливаць*) в людей. Такое верование, очевидно, есть смесь элемента языческого с новым и ведет свое начало частью от антропоморфизма нечистой силы, а больше от хранившегося в славянском народе того предания, что некогда у его предков были служители языческих капищ, которые, изучив кой-какие таинства природы и чтобы поддержать в невежественном народе веру в свою силу и могущество сверхъестественное, вышечеловеческое, пугали их разными мнимыми чарами, заклинаниями и наваждениями... И без сомнения, нынешние знахари в Белоруссии выродились из этих языческо-славянских капищеслужителей. Потому что белорусские знахари, сравнительно, не что иное, как те же знатоки некоторых таинств природы, изучившие ядовитость растений, камней, напавшие случайно на силу магнита и электричества и злоупотребляющие своими познаниями по причине развращенности нрава и испорченности сердца. Как на капищеслужителей своих язычники славяне смотрели будто на божества и, не понимая их шарлатанства, благоволили пред велемудрыми их изречениями, так нынешние белорусцы, по своей темноте и невежеству считая *вовкалак-знахарей* чем-то выше себя, хотя эти знахари такие же невежи, как и они — только плутоватее их, — верят во все то, что они скажут, и хотя десятое из их сказаний сбывается, а прочее оказывается надувательством, но боятся их и делают им почет на всяком шагу, опасаясь оскорбить и прогневить их могущество и всезнание. Далее — капищеслужители никому из простого народа не открывали своих тайн и плутней и при смерти передавали их только друг другу или тому, кто готовился на их поприще; так точно и знахари белорусские ни за какие блага не откроют своего *знахарства* незнакомому человеку или, как они говорят, простаку, а умирая, передают его детям или тому, кого они считают решившимся отдать свою душу нечистой силе, и то передают под страшными угрозами — не изменить тайне. По понятию языческо-славянскому, капищеслужители были *детьми или избранными* богов — и, по мнению белорусцев, знахари-вовкалаки люди не простые, а как будто составляют особую касту высших существ, которые имеют связь с нечистыми духами: в состав этой касты входят *дудари* (играющие на дуде, веселышки, сказочники в роде *боянов*, *млынари* (мельники) и *пастухи*. *Дудари* — народ тертый, везде бывалый: дударь многое слышит, рыская по белому свету, многое сам придумает; умеет ловко рассказать о виденном; подчас надует кого-нибудь удачною плутнею, особенно когда большая часть из собеседников его значительно подхмелена: нередко, кстати, услужит какой-нибудь старой бабе ссудой нужной вещицы (верно, и в простом народе женская протекция имеет свое значение), и — пошла молва: «дударь из нашего двора, брат!.. *пазнався з Дамавиком*, — подружился с Домовиком. *Млынари* — народ отчужденный, нелюдимы, большею частью с какою-то таинственною, угрюмою физиономиею. *Млынарь* сидит постоянно в своей мельнице; для большего барыша мелет ночью, а пьяному белорусцу представится, что в мельнице жужжат жернова, но колеса не вертятся; случится в деревне пожар — все сгорит, а мельница, будучи при реке и вдали от деревни, уцелеет; какая-нибудь шатающаяся на все стороны баба дополнит рассказом, что она видела, как во время пожара черные вороны сидели на кровле, а лягушки на стенах мельницы, и защищали ее от пожара, тогда как млынарь преспокойно стоял в дверях и курил *пипку* (трубку). И — заговорили по всей деревне, что млынарь — не простой человек, *знаецца з водовиком*. *Пастухи* — народ смышленый, проводят

все лето в лесах и болотах (самых глухих и вязких нередко), где только есть пастьба; от нечего делать собирают травы, сушат корни цветов и всяких растений, испытывают их силу, целительность над скотом; как-нибудь вылечат у соседа корову, у соседки — овцу; побольше наблюдают за чьею-нибудь коровою, да та и сама, по животному инстинкту, срывает питательные и лучшие травы, отчего дает больше молока; мало того, иногда плутоватый пастух нападет на *змею-медянку* (без жала), принесет ее в деревню, напугает детей, — те расскажут своим матерям; матери, не видев змеи, выдают за несомненное соседкам, что такой-то пастух не боится ядовитых змей. Бывает и так, что пастух дает какой-нибудь травяной настойки бедной влюбленной девушке, потом сведет ее втихомолку с избранным дружком, та расскажет своим подругам, что ей помог пастух, и вот прокричали: наш пастух знахарь!.. Наш пастух *ведарскій* (всезнающий) человек, *пабратався* (связался) с *нечистикам — кадуком*! Вот каким образом творятся белорусские знахари!.. Вот как легко дударям, млынарям и пастухам, при сметливости и ловкой плутоватости, попасть в касту людей *непростых,* т. е. *знахарей* вообще и *знахарей-вовкалак.*

Зная такое верование белорусцев (простого народа) в свою силу, эти дудари, млынари и пастухи после нескольких удачных одобрений своего мнимого чародейства мало-помалу и сами начинают верить в свое всеведение, и, наконец, некоторые из них доходят до того, что решаются промышлять своим знахарством, и таким образом, живут припеваючи; часто наживают большое состояние, хотя это состояние обыкновенно не прочно. Белорусцы утверждают, что оно не сегодня, так завтра *огнем пойдеть* (сгорит), потому что эти знахари знаются с нечистиком.

По понятию белорусцев, вовкалаки-знахари, превратившись в волков, усвояют себе все свойства зверские, делаются так же хищными и кровожадными, как и настоящие волки, — даже хищнее их, потому что вовкалаки не столько нападают на домашнюю скотину и душат ее подобно волкам обыкновенным, сколько на людей, особенно на молодых и преимущественно на детей, впрочем, не едят их, а только высасывают из них кровь, как *расамахи* высасывают мозг, думая тем омолодить себя, подобно *Разамаре*, враждебному духу-помощнику *Бабы-Яги*; нападения их тем ужаснее, что никакая сила человеческая не может противиться им... Хищность вовкалак-знахарей во всякое время свирепа, потому что они превращаются в волков для того, чтоб отмстить какому-нибудь семьянину за нанесенное им оскорбление, но эта хищность особенно проявляется два раза в год, как думает белорусский народ, именно: на канун Рождества Христова или, как говорится в Белоруссии, *перед калядным вечером и на Купалу* (в Иванов день). В эти времена, говорят, вовкалаки-знахари особенно свирепствуют и не дают проходу молодицам и детям; тогда они так ловко превращаются в волков, что по наружности никак нельзя отличить их от действительных волков; в это время у них вся поверхность совершенно покрыта бывает волчьей шерстью, тогда как в другую пору года, особенно в глубокую осень, когда обнажается от листьев осина, — на хребте, голове и ногах заметны бывают иногда следы тела человеческого (или одежды и обуви); даже на лапах выдаются пальцы. В эти две поры года, твердят Белорусцы, вовкалаки-знахари могут превращаться не только в волков, но и в разных других животных и птиц, как-то: козлов, собак, кошек, лягушек, сорок, ворон, воронов, сов и петухов: это потому, что *на Каляду* и *на Купалу* получают они какую-то необыкновенную силу знахарства — на *Лысой Горе,* куда отправляются в эти времена для совещаний с Бабой-Ягой. Что же касается превращения ими других людей в волков и потом опять в людей, то знахари эти могут превращать их во всякое время и на сколько угодно лет: им трудно только самим превратиться (оборотиться) во всякое время.

Зато сколько вовкалаки-знахари делают зла белорусцам при жизни своей, столько первым достается от последних при и по смерти их. Как только узнают о смерти подобного знахаря, который не успел передать кому-нибудь знахарства своего и, значит, не освободился от власти бесовской, то не хотят даже войти к нему в дом, а тем более участвовать в погребении его. Да не для чего и погре-

бать такого *нечистика*, говорят набожные люди в Белоруссии: его заберут *крумкачи* (вороны). Нужно заметить здесь, что, по мнению Белорусцев, в предсмертные минуты знахаря-вовкалаки (как вообще всякого знахаря) на кровлю и даже на трубу дома его слетается несметная стая *нечистиков* в образе *крумкачей,* которые сторожат, чтоб как-нибудь не успели люди (семья его) уговорить его обратиться к Богу; не допустив людей до того, как они уносят душу умершего с самым страшным криком и с шумным взмахом крыльев, после чего тело знахаря делается черным, как уголь, и дом его горит. Я никогда не забуду, как очень недавно (1851 г.) рассказывали мне в г. Слуцке (Минской губ.) самую фантастическую сказку про одного *тройчанина* (слуцкий мещанин, принадлежащий к приходу церкви Св. Троицы)… Будто этот тройчанин был знахарь-вовкалака, много людей *перепортил*, умел делать *завитки*; никогда не работал, а между тем, всего имел вдоволь и вечно пьянствовал у шинкаря Азика… Случилось так, что его постигла внезапная болезнь, и он, умирая, никому не успел передать *знахарских тайн.* Почувствовав приближение смерти и вспомнив о гибели проданной нечистику своей души, он стал просить жену сходить за священником, но в эту минуту налетела тьма крумкачей и, махая, даже бия крыльями у дверей и окон умирающего, никоим образом не выпускала из дому его жены до тех пор, пока не скончался тройчанин. По смерти, говорили, он сделался весь черен, и ночью тело его пропало.

Если же умирающий знахарь-вовкалака успел передать кому тайны своего знахарства, то его не тревожат крумкачи, так как сила обязательства его перешла чрез то на душу того, кому передано знахарство. За то все-таки Белорусцы чуждаются такого умершего и, при всей охоте к шумным тризнам над покойниками, отказываются от приглашений семьи покойника на поминки (поминовения). Мало того: не доверяя смерти вовкалаки или из ненависти к нему, спустя несколько дней после погребения этого знахаря собираются несколько старых людей на могилу его и вколачивают три осиновых кола — у изголовья, посреди и у ноги, приговаривая:

От так табе-т-ка, ваўкалака!
Кыш, кашкалака, жабалака!...
Штоб ты не ўстаў!
За асінкаю прапаў!
Асінкаю табе
Па барадзе,
Па сэрцу
Да па каленцу!...

(Вот так же тебе, вовкалака! Пропади, сгинь, кашкалака, жабалака (см. выше эти слова)!.. Чтоб ты не встал, вместе с осиновым колом пропал (сгнил)... Вот мы тебе осиною в бороду, в сердце и в колено!..)

Совершенно иначе смотрят в Белоруссии на вовкалак второго рода, т. е. на *жертв* знахарских превращений. Прежде всего верят Белорусцы, что эти вовкалаки всегда имеют незаросшие шерстью *лысинки* человеческого тела или следы одежды, чем вполне отличаются от вовкалак-знахарей. Следы лысинок этих объясняют тем, что во время превращения в *оборачиваемом* (том, которого превращают в волка) человеке происходит борьба силы человеческой с *знахарской* или *ведьмарскою*… Потом говорят, что эти вовкалаки совершенно ручны, как домашние животные, — воют очень жалко: не то по-волчьи, не то по-собачьи, а часто глухо стонут, как тяжко больные люди, потому что, несмотря на преобразование в волков, они не теряют человеческих чувств и даже некоторым образом разумного сознания. С виду эти вовкалаки — совершенные волки, тольки большею частию бывают одноглазы и даже *слепы* на оба глаза (знахарская проделка!..). Состояние вовкалаки-жертвы — самое ужасное, невыносимое. По сообщенной ему зверской натуре, он готов бросаться, как волк, на всякое домашнее животное и, таким образом, вредит жителям своей деревни, даже своим родным, но часто проявляющееся в нем человеческое чувство жалости и сострадания удерживает его от

такой зловредности, а чрез это нередко бывает он голоден по несколько дням и даже неделям, так, что совсем отощает. Вовкалака-жертва не смеет подойти даже к ограде какого-нибудь жилья своей деревни, опасаясь быть преследуему и биту, как хищный зверь; почему беспрестанно блуждает по полю, прячется в лесах и нигде не находит себе покоя. Впрочем, будучи вынужден нестерпимым голодом, пробирается тайком в деревню; там нередко узнают его знакомые или родные и из жалости кормят его; но как только накормят, тотчас бежит в лес. Узнают же его по тому, что будто на него не лают собаки, вследствие того животного инстинкта, что он не за тем пробрался в деревню, чтоб сделать хозяевам какое-нибудь зло… В противном же случае, когда вовкалака, побуждаемый овладевшею им зверскою хищною натурою, забирается на жилой двор деревенский затем, чтобы похитить или задушить какую-нибудь домашнюю скотину, то на него лают собаки, почуяв приближение его издали, как волка обыкновенного, и хозяева колотят его. Зато и он, в свою очередь, мстит им после такого угощения побоями. Завидев где-нибудь на поле корову, овцу или даже лошадь обидевшего его семьянина, душит беспощадно и, сколько нужно ему, ест, а остатки бросает не тронувши; мало того, изувечивает людей, заводит детей в непроходимый лес или болото и там бросает их на съедение зверям. В этом случае в нем преобладает зверство-хищничество, за что после, опомнившись, он мучится и страдает, как человек-преступник. Впрочем, вовкалака-жертва не душит людей, как вовкалака-знахарь, потому что он не питается ни кровью, ни мясом человеческим.

Так появление вовкалаки-жертвы в деревне, по понятию Белорусцев, бывает следствием *выгаладаласці* его, потому-то, когда осенью увидят такого вовкалаку, ворожат о предстоящем голоде, а также о сильных морозах подходящей зимы, что можно видеть из следующей поговорки или припева белорусянок:

Да што ж ты, ваўкалака-нябожа,
Так к сялу прымыкуеш?
Да чы ж ты, ваўкалака-нябожа,
Ліхую зіменьку чуеш?
Ой, чы ліхая, чы не ліхая,
Да не будзець як летанька,
Да не будзець жа цёпленька.

В состоянии превращения бедные жертвы бывают по нескольку дней, месяцев и даже лет, но никогда не бывают всю жизнь: этого, говорят Белорусцы, *не зможа падробіць знахарская моц* (не сможет сделать сила знахаря).

Чтобы лучше уяснить читателям поверье Белорусцев о состоянии вовкалак-жертв и силе вовкалак-знахарей, представлю несколько рассказов (о вовкалаках), записанных из уст народа…

Рассказ 1-й[1]. Одну красивую поселянку Алену любили два молодых крестьянина: Степан-бедняк и Кузьма, богатый дворовый человек (лакей). Алена любила бедняка, но, как водится, богатый превозмог бедного, успев выпросить позволения жениться на Алене. Несмотря на нерасположение к Кузьме, Алена должна была покориться, но в душе поклялась вечно любить Степана. Кузьма понял это и потому, чтоб избавиться от соперника навсегда, обратился к помощи *дударя* Артема.

…Назначен был день свадьбы, пригласили на пир и Степана. В продолжение всего вечера среди общего веселья Алена и Степан сидели молчком и были печальны. Вот Артем, как бы из участия, подходит к Степану и, наговорившись с ним досыта, предлагает выпить вместе для дружбы по чарке *варенухи*. Ничего не подозревая, Степан выпил рюмку вина, но лишь только проглотил его, как

[1] Этот рассказ позаимствован из «Шляхціца Завальні» Яна Борщевского, который выходил из печати отдельными томами с 1844-го по 1846 год.

вдруг почувствовал какое-то странное трясение во всем теле: то было начало *превращения* (вовколачества). Еще несколько минут прошло: глаза Степана сделались красными, страшными и засверкали огнем, как у волка; волосы на голове превратились в какую-то жесткую шерсть; на пальцах рук явились огромные, острые когти; лицо покрылось комками волчьих волос. Присутствовавшие на свадьбе перепугались и стали обходить Степана, да и сам он, ощупав шерсть, испугался самого себя, как волк, юркнул меж ног гостей, бросился в двери и побежал в лес… Так произошло превращение бедного Степана в волка, совершенное силою *знахаря-дударя* Артема; он влил в варенуху настоя из какого-то *зелья*: выпивший ее перестал быть человеком и превратился в вовкалаку.

Побежал бедный Степан-вовкалака в лес и сделался лесным жителем; стал питаться мясом животных и птиц, но всегда избегал встречи с людьми, опасаясь, чтоб его не убили, как волка, отчего жизнь его была самая страдальческая.

При всем звероподобии в Степане сохранились некоторые человеческие чувства, что еще более увеличивало его мучения.

Не раз, выбежав из леса и заслышав в своей деревне звон церковных колоколов, метался, как шальной, во все стороны от отчаяния, страшно выл и по-человечески болезненно стонал. Не раз бедному вовкалаке живо представлялась прошедшая жизнь, радости и блаженство любви Алены, и тогда во всей силе проявлялось в нем чувство ненависти к знахарю Артему и даже ко всем людям, вследствие чего зарождалось в нем желание отмстить негодному *дударю.*

Однажды, проходя близ деревни, Степан увидел, что дочь Артема *Ганка* (Аннушка) пасла гусей. С остервенением дикого разъяренного волка бросился он на невинное дитя и, схватив его, потащил в глубокий лес; там, измучив его, бросил в трущобу. Но подобное мщение стоило ему немалых угрызений совести: он не мог найти покоя; пробуждавшееся по временам человеческое чувство напоминало ему о злодеянии зверском, волчьем.

Степан рад был загладить свое преступление, но долго не находил никакого случая к тому. Наконец однажды летом видит — крестьяне, утомленные полевою работою, отдыхают в тени леса… Вот слышит: один из них говорит: «Где-то теперь блуждает Степан-вовкалака? Жаль его — столько лет бедствует… Ах, если б он каким-нибудь случаем напал на *Аксинью-знахарку;* говорят, она умеет превращать людей в животных и потом — из животных обратно в людей. Кажется, она где-то здесь близко живет».

Обрадованный такой вестью, Степан-вовкалака обошел все соседние места, и, наконец, по инстинкту, напал на жилище Аксиньи. Однажды, проголодавшись, как-то проходил он в глухом леску; смотрит — на горе стоит домик, возле домика на травке бегает и резвится быстроогненноглазая кошка. Вовкалака хотел схватить ее, но та превратилась в сороку и села на кровле домика; в эту минуту откуда-то взялось множество кошек на кровле, на окошках и на ограде домика. Степан догадался, что здесь должна жить Аксинья… Но как явиться к ней!... В виде волка не примет. Призадумался вовкалака, прилег на горе и ожидал какого-нибудь благоприятного случая. Вот на закате солнца выскочило из домика множество кошек, и все они побежали на луг, поели какой-то травки и вдруг из кошек сделались красивейшими девушками. Степан-вовкалака заметил волшебную траву, отведал ее и — о чудо! — стал человеком. В восторге начал прыгать, бегать и играть с девушками: игра и беготня продолжались до полуночи. В полночь на кровле домика явилась *сова* и прокричала что-то голосом дитяти. Зашумели леса, заколыхались воды в ручеечках и болотах; девушки (то были русалки) провизжали диким голосом: «Полночь! Полночь!..» и, превратившись в кошек, побежали в домик. Степан превратился в волка. Полюбилось Степану подобное превращение хоть на несколько часов, он повторил его и на другой день — вечером. Но на этот раз он услышал неприятный отзыв одной русалки о себе. «Ах, как я не люблю его!» — говорила она другой, указывая на Степана. «Почему ж так?» — спросила другая. «Да потому, что я видела, как он превращался в волка, а я смертельно ненавижу волков за то, что волк был причиною моего несчастья…» — «Как

так?» — спросил Степан, ввязавшись в разговор. «Когда я жила у родителей еще маленькая и пасла однажды гусей, меня схватил волк и, затащивши в лес, бросил в трущобу. Я почти умирала там, вдруг откуда-то взялась Аксинья и предложила мне переселиться к ней. «У меня, — сказала она, — много девиц, всякий день пляски, песни; тебе там будет весело с подругами». Сначала не соглашалась я, но, видя, что иначе должна буду в лесу умереть, решилась принять предложение Аксиньи, — и в ту же минуту, не помню каким чудом, я перенесена была в ее волшебный домик. О, проклятый вовкалака! Отчего ты не разорвал меня тогда в лесу на части? Лучше было бы тогда умереть навсегда, чем оставаться животным весь день и только на минуту — человеком!» Затрясся бедный Степан, услышав такое проклятие себе из уст *Ганки* (то была Ганка), и, превратившись в волка, с горя и отчаяния побежал опять в лес. В нем пробудилось человеческое чувство — его начала мучить совесть; проклятие Ганки не давало ему покоя: страшная жизнь наступила для Степана опять!

Однажды, в воскресный день, пробегая возле пахотных полей, видит — священник идет с несколькими крестьянами и наставляет их жить честно, миролюбиво, никому не мстить, объясняя, что мщение унижает человека до звероподобия и противно духу христианской религии, тогда как прощение обидчиков и любовь к врагам преклоняет милосердие Божье… Слышал всё это Степан, и в сердце его возмутилась кровь… «Боже мой! — воскликнул он в порыве пробужденного человеческого чувства любви к ближнему. — Помоги мне загладить мое преступление, мое мщение Артему! С этих пор буду стараться делать добро людям…» И вот через несколько дней Степан отогнал лису от стада гусей и индеек, не допустил медведя к стаду коров; потом не раз отнимал у волка овцу вдовы или несчастной сироты. Степан радовался своей перемене и мог спокойно спать. Спустя еще несколько дней Степан оказал услугу Алене, жене своего соперника… Как- то Алена жала на поле, на берегу нивы спало ее дитя — маленький мальчик. Подошедши к нему, он любовался на этого крошку-мальчика и обрадовался, что Алена имела детей. Вдруг прибежал волк и схватил мальчика. Мать, заслышав крик дитяти, стала кричать: «Спасите, спасите дитя мое!» — и пала на землю замертво. Степан догнал волка и отнял дитя. На крик матери сбежались пахари и изумились, увидев, что волк у волка отнял ребенка. Вовкалака убежал в лес, но какое-то радостное, непонятное чувство овладело всем существом его: приятный сон усыпил его, и он увидел какие-то странные сновидения… Ему представился его дом, семья, его поля, огороды, сад и цветы. Посреди сада является какой-то исполин, берет его за руку, выводит на огромное поле, потом на перекресток, где было множество народа; вдали виднелся холмик — какая-то могила… Великан подводит Степана к этой могиле и велит копать ее. В испуге Степан бессознательно исполняет его веления и откапывает человеческий труп. «Это будет твоим телом, — сказал великан, указывая на труп. — Будешь плакать в нем всю жизнь, пока не призовут тебя к новой жизни». Степан задрожал и просил пощады… Но великан, не слушая его просьбы, толкнул бедного в могилу на труп. Борясь со смертью, Степан пробудился и — о, чудо!.. увидел себя в образе человека…

Со страхом воротился Степан в деревню — и с тех пор постоянно был задумчив, скучен и угрюм.

Рассказ 2-й. Знахарка *Грипина* полюбила красивого, молодого деревенского парня Тита, но тот смеялся над нею, считал ее любовь оскорблением для себя. Напрасно знахарка старалась хоть подарками снискать его взаимность, — Тит и смотреть не хотел на нее. Разъяренная ведьма решилась отомстить за такое пренебрежение. Однажды, попытавшись еще раз достичь своих намерений и услышав от Тита оскорбительные ругательные названия, в ярости сказала ему: «Ну, смотри ж… вот же тебе что за это будет: как пойдешь в лес рубить дрова, то с первым взмахом топора превратишься в вовкалаку!..» Тит рассмеялся на такую угрозу Грипины, но предречение ведьмы сбылось. Через несколько дней, забыв об угрозе Грипины, Тит отправился *на волах* в лес за дровами, и как только занес топор, чтобы срубить березу, топор выпал из его рук. Тит нагнулся, чтобы поднять топор, но каков был его испуг, когда увидел, что вместо рук явились у него волчьи лапы!.. Ошеломленный

таким превращением, стал бегать он по лесу, как дикое животное и, наткнувшись на ручей, увидел, что он весь — волк… кой-где только на хребте видны следы *свитки*. Не было никакого сомнения, что он — вовкалака; но все еще как бы не веря своим глазам, побежал к телеге и хотел ехать домой: что же? Волы пустились бежать изо всех ног вместе с *калёсами,* как только завидели мнимого волка. Тит хотел было закричать (кликнуть) на волов, чтоб остановить их, но вместо голоса человеческого по лесу разнесся волчий вой…

С тех пор бедный Тит сделался лесным жителем. Но, несмотря на волчий вид, Тит все-таки не мог забыть родной *дамовы*; постоянно блуждал по оселицам своей деревни и только тогда заходил в лес, когда видел, что на него высылают собак, как на волка. И там-то не раз по несколько дней ничего не ел, потому что никак не мог привыкнуть к сырому мясу животных. Но, побуждаемый голодом, пускался на волчьи хитрости: пугал пастухов, жнецов и похищал у них хлеб, молоко и другие съестные запасы. Так продолжалось *вовкалачество* Тита 9 лет.

Наконец, как-то встретился он с одним *знахарем-пастухом*, с которым прежде, будучи человеком, жил дружно. Пастух узнал Тита и из сострадания к нему снял с него волчью кожу и превратил его в человека.

Тит на крыльях полетел в деревню к своей дамове, но не нашел никого из родных своих, все перемерли. Кася, его невеста, вышла за другого и имела пятерых детей, из друзей молодости едва один остался. Жизнь его была незавидная: стал проводить все время в *корчме* (шинке); там внушал молодежи угождать женщинам; наконец, с отчаяния запился до смерти.

Рассказ 3-й. Небога Кондрат семь лет был *вовкалакой.* Наконец, знахари сжалились над ним и *атробили* ему *вовкалачество* (избавили его от волчьей шкуры, изгнали из него вид волка). Вот Кондрат на радостях побежал в свою деревню *домовки* (домой), где оставил жену и детей. Это было ночью: подходит к дому, стучится. Пробужденная стуком жена спрашивает: «Кто там?» — «Это я, твой муж! Отворяй скорее!» — отвечал Кондрат, узнав голос жены своей. Жена, которая считала Кондрата погибшим и потому вышла замуж за другого, в испуге бросилась от двери назад и стала звать на помощь второго своего мужа, который, как виновник превращения Кондрата (он упросил одного знахаря сделать Кондрата вовкалакой, чтобы потом жениться на его жене, очевидно, согласившейся на то прежде и действовавшей с ним заодно), думая, что Кондрат прибежал в виде вовкалаки, вышел против него с кочергою и хотел было прогнать его… Бедный Кондрат узнал в нем бывшего своего *паробка* (работника) и тут-то догадался, кто был причиною его несчастия... «О! Почему я теперь не вовкалака? — воскликнул он в порыве негодования и бешенства. — По крайней мере я отомстил бы этому злодею, наказал вероломную жену и не видел больше своего срама!!.» Едва сказал он это, как в ту ж минуту стал опять вовкалакой… Тогда *лаченый* (превращенный — слово рассказчика) Кондрат с яростью волка бросился на жену, потом на паробка своего и прижитое ими грудное дитя и стал давить их… Передавив всех, хотел бежать в лес, но на поднятый крик сбежались соседи и убили вовкалаку, думая, что убили бешеного волка… Но каково было изумление их, когда, при огне, увидели мертвого человека Кондрата, который семь лет пропадал где-то и которого все на деревне считали погибшим.

Рассказ 4-й. Была свадьба в деревне… Какой-то прохожий, утомленный дальнею дорогою, при виде огней в доме, где пировали свадьбу, хотел было попроситься на ночлег. Вышедший подхмеленный жених мало того, что грубо обошелся с прохожим, но еще выслал против него собак… Оскорбленный таким приемом, прохожий (то был знахарь-вовкалака), отогнав собак палкой, сказал жениху: «Помни же! Ты на меня высылаешь собак, — смотри, чтобы эти же собаки не стали лаять и на тебя, как на зверя!» Едва сказал это прохожий, как все присутствовавшие на свадьбе сделались *вовкалаками* и, разбежавшись тотчас по своей и соседственным деревням, наделали много зла поселянам, передушив домашних животных и изранив, изувечив людей…

Прошло два года после этого страшного события: некоторые из поселян уже забыли было о нем… Но вот однажды помещиком той деревни назначена была *облава* (охота) на волков, слишком размножившихся в соседних лесах и не дававших проходу ни людям, ни скотине… Охота была удачная: убили множество волков… Когда стали рассматривать добычу, то между убитыми волками нашли *трёх вовкалак* из числа тех, которые были жертвами мщения *прохожаго-знахаря…* Когда сдирали с них кожу, то у одного нашли под кожею скрипку и другия принадлежности белорусского доморощенного музыканта; у другаго — наряд жениха и обручальное кольцо; третьим вовкалакой или — *вовколачицей* (оборотень-самка) была разодетая невеста со всем щегольством и прикрасами свадебными — по обычаю белорусскому.

Любопытно при этом знать, как один тоже *прохожий-знахарь* хотел *атробиць* этих оборотней, по крайней мере жениха и невесту, когда они еще были живы: этот прохожий, как говорят рассказчики, был во вражде с тем, который *ововкалачил* (превратил в волка) их, и, по усердной просьбе жениха и невесты, хотел превратить их в людей. Будто бы этот знахарь взял с собою жареного-пережареного поросёнка, какой-то хлеб и, вооружившись вилами и заступом, искал по лесу несчастных вовкалак; но доброе его намерение осталось без успеха. Первый (прохожий)-знахарь был сильнее — хитрее его и потому никоим образом не допустил своего противника встретиться с зачарованными им вовкалаками…

Рассказ 5-й. А вот ещё образчик *знахарства* женщины-*ведьмарки* (ведуньи).

Был *девичник,* или, как говорят белорусцы, *дзявойник* и *завойник*, на который пригласили и старую деву *Маланью*, славившуюся *ведьмарством* или *знахарством…* По обычаю, все старались угождать ей, чтоб не угневить: ей — первую чарку, ей — первую ласку… Случись так, что невеста, будущая *маладзица* (замужняя женщина), не знала об этом и как-то обошла Маланью во время угощения. Рассерженная таким невниманием к своей особе, знахарка встала из-за стола, в сердцах сорвала с себя пояс, свернула его в клубок и в таком виде бросила под порог комнаты, пробормотав следующее заклинание: «*Лыко крутила з липины и варила и таёй водой подлила под людзей (*т. е. надрала я лык из липы да сварила их; и той-то воды подлила под (ноги) людей); затем сама выбежала. Все девушки бросились за нею, чтоб узнать о причине такого внезапного гнева… Но едва переступили порог, как сделались *вовкалачицами* и тотчас побежали в лес.

В таком состоянии пробыли девушки четыре года, в продолжение которых постоянно, ночью, подходили под окна Маланьи и странно, по-волчьи выли, как бы испрашивая прощения за нанесенное ей невестой оскорбление.

Наконец, когда наступил последний день наказания вовкалачиц и они ночью по-прежнему подошли к окнам дома знахарки, то она вышла к ним в вывороченном наверх волосами *кожухе* (тулупе); потом, снявши его с себя, *накрыла* им каждую поочередно и прошептала какие-то таинственные слова. После этого вовкалачицы превратились опять в девушек. Но так как у невесты не прикрыла хвоста, то, бедная, та и осталась на один день с хвостом; в следующую ночь *ведьмарка* прикрыла хвост, и хвост исчез.

Для полноты исследования о вовкалаках считаю нужным привесть несколько поговорок белорусских об этих оборотнях.

1). *Спрыквався, як вовкалака*, т. е. надоел как вовкалака. 2). *Бы вовкалака шпырыць*, т. е. как вовкалака блуждает, — бесприютный, горюн. 3). *Каб на цябе вовкалака,* т. е. чтоб тебя вовкалака-знахарь превратил в волка (ругательство). 4). *Кали не баисься вовкалачества, подразни млынара*, т. е. если не боишься быть вовкалакой, так угневи мельника. 5). *Як дудар сказав, дак з людзей вовкалакай став*, т. е. сказал (слово) дударь, и из человека сделался вовкалака.

Варшава. 1852 г. мая 4 дня.

Обработка текста
и комментарии Александра Ващенко.